

«Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии

Д. В. Стрельцов

Аннотация. В статье сделана попытка проанализировать с международно-политических и внутривнутриполитических позиций «дипломатию извинений» во внешнеполитическом арсенале послевоенной Японии. Упор сделан на роль и место «дипломатии извинений» в отношениях Японии с КНР и Республикой Корея, в которых она продолжает выступать важнейшим инструментом, регулирующим градус напряженности в условиях высокой их конфликтности.

В статье показано, что «дипломатия извинений» играла важную роль в послевоенной политике Токио по примирению с восточноазиатскими странами. Однако эта политика была не вполне успешной, во многом по причине неудовлетворенности партнеров чересчур мягкими формами извинительной лексики японских официальных лиц, а также недостаточной, по их мнению, степенью раскаяния. Многие из них продолжают считать, что полноценное примирение с Японией невозможно, так как на официальном уровне там отсутствует однозначно отрицательная оценка милитаристского прошлого, а послевоенное урегулирование отношений с ней проводилось без должной материальной компенсации жертвам японской милитаристской политики.

В Японии же, наоборот, полагают, что официальных извинений, прозвучавших в послевоенный период, уже более чем достаточно, что послевоенному поколению не за что извиняться, так как милитаристские лидеры были осуждены решениями Токийского трибунала и уже искупили вину всего народа, и что постоянное внесение вопроса об извинениях в дипломатическую повестку основано на циничных политических расчетах и не имеет ничего общего с поиском исторической справедливости. На этом фоне восстановление подлинно дружественных, добрососедских отношений Японии со странами-соседями представляется в исторической перспективе маловероятным.

Ключевые слова: «дипломатия извинений», Япония, проблемы исторического прошлого, Токийский трибунал, итоги Второй мировой войны, Заявление Коно, Заявление Мураяма.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор и заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета.

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»)

“The Diplomacy of Apologies” in the Foreign Policy of Postwar Japan

D. V. Streltsov

Abstract. The article attempts to analyze “the diplomacy of apologies” in the foreign policy of postwar Japan from international political and domestic political dimensions. The emphasis is placed on the role and place of “the diplomacy of apologies” in Japan’s relations with the PRC and the Republic of Korea, in which it continues to be the most important tool for regulating the degree of tension in the conditions of high conflict potential.

The article shows that “the diplomacy of apologies” played an important role in Tokyo’s postwar policy of reconciliation with East Asian countries. However, this policy was not completely successful, largely due to the partners’ dissatisfaction with the excessively soft forms of apologetic language on the part of Japanese officials as well as, in their opinion, a lack of remorse in their words. Many of them continue to believe that a full-fledged reconciliation with Japan is impossible, since there is no unambiguously negative assessment of the militaristic past at the official level, and the postwar settlement of relations with Japan was carried out without proper material compensation for the victims of Japanese militaristic policies. In Japan, on the contrary, it is believed that the official apologies made in the postwar period are already more than enough, that the postwar generation has

nothing to apologize for, since the militaristic leaders were convicted by the Tokyo Tribunal and have already redeemed the fault of the nation, and that constant introduction of the issue of apologies to the diplomatic agenda is based on cynical political calculations and has nothing to do with the search for historical justice. Against this background, the restoration of truly friendly and good-neighborly relations between Japan and its neighboring countries seems unlikely in the historical perspective.

Keywords: “The diplomacy of apologies”, Japan, problems of the historical past, Tokyo Tribunal, results of World War II, Kōno Statement, Murayama Statement

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor. Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12; Head of Department of Afro-Asian Studies and Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University).

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

Acknowledgements: the research is accomplished under the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00017 “Problems of the Historical Past in Japan’s Relations with the Countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”

После окончания Второй мировой войны перед Японией встала задача нормализовать отношения со странами-соседами, пострадавшими от ее милитаристской политики. Поскольку Сан-Францисский мирный договор по разным причинам не был подписан ни КНР, ни государствами Корейского полуострова, ни многими странами Юго-Восточной Азии, Токио был вынужден решать проблему восстановления отношений с ними на двустороннем уровне. При этом для строительства дружественных отношений с этими странами, в общественном мнении которых преобладали сильные антияпонские настроения, от Японии помимо решения вопроса материальных компенсаций требовалось выразить свое отношение к недавнему историческому прошлому, заверить их в мирном характере послевоенного государства, а также принести странам-партнерам свои извинения за проводившуюся в годы войны агрессивную политику.

Это, в свою очередь, поставило японское руководство перед необходимостью проведения «дипломатии извинений». Такая дипломатия имеет не только международно-политическое, но и морально-этическое измерение. Для стран дальневосточного культурного ареала,

где преобладают конфуцианские этические нормы, оценка действий извиняющегося проводится не только и не столько с юридических, сколько с этических позиций, а выбор извинительной лексики неизбежно становится фактором, который определяет общую атмосферу отношений с ним. При этом неточный или неадекватный выбор фразеологии поставит лидера извиняющегося государства в сложное положение: с одной стороны, чрезмерное самобичевание сопряжено с риском «потери лица» в глазах партнера, а также внутривнутриполитическими издержками (например, в связи с критикой правительства со стороны «патриотических» сил собственной страны и т. д.), с другой — из-за недостаточного признания вины все усилия по нормализации отношений могут пойти насмарку. Между тем для Японии этические аспекты проблемы извинений были тесно связаны с внутривнутриполитическим контекстом, а именно с вопросом о том, как сам японский народ оценивал свое недавнее прошлое и итоги Второй мировой войны.

В настоящей статье будет сделана попытка проанализировать с международно-политических и внутривнутриполитических позиций «дипломатию извинений» и ее роль и место во внешнеполитическом арсенале послевоенной Японии, показать на конкретных примерах, насколько эта дипломатия была эффективной на разных этапах послевоенной истории, и дать ее оценку на современном этапе развития отношений Японии с восточноазиатскими странами-соседами.

Упор будет сделан на отношения Японии с КНР и Республикой Корея, в которых «дипломатия изменений» выступала и продолжает выступать важнейшим инструментом, регулирующим градус напряженности в условиях высокой их конфликтности, хотя различные элементы подобной дипломатии также использовались Токио применительно к КНДР и странам Юго-Восточной Азии, а заявления официальных лиц нередко были адресованы широкой международной общественности, а не только отдельным странам.

Послевоенное развитие «дипломатии извинений»

Проблема «дипломатии извинений» тесно связана с вопросом исторической ответственности послевоенной Японии за совершенные милитаристским режимом преступления, который имеет как юридическую, так и морально-этическую сторону.

В юридическом отношении послевоенная Япония в полном смысле слова вышла из довоенного милитаристского государства, став его полноценным правопреемником. Конституция 1947 г. была принята на основе положений старой, относящейся еще к периоду Мэйдзи. В отличие от послевоенной Германии система государственного управления в Японии, несмотря на послевоенные чистки, была сохранена практически в неизменном виде в кадровом и организационном отношениях, а в результате «обратного курса» на свободу из заключения вышли даже осужденные за военные преступления политики и бюрократы первого эшелона, принимавшие ключевые решения в годы Второй мировой войны. В результате под довоенным прошлым не было подведено жирной черты — в противоположность тому, как послевоенная Германия отмежевывалась от своего нацистского прошлого.

Правопреемственность проявлялась и в отношении международно-правовых обязательств страны. Например, заключенные в довоенный период правительством императорской Японии договоры, даже если они носили явно экспансионистский характер (например, договор 1910 г. о передаче японскому императору прав на Корею), не воспринимались в послевоенной Японии как нелегитимные, наоборот, послевоенные правительства в полной мере использовали их для обоснования своей позиции по различным международным проблемам.

Что касается этической стороны дела, то послевоенное поколение японцев воспринимало свое недавнее прошлое не только в плоскости «источника ущерба для других» (*кагайся*), но и в плоскости самоощущения «жертвы», то есть «пострадавшей стороны» (*хигайся*). Виктимизация, отчетливо проступавшая при оценке недавнего исторического прошлого, была основана на романтизации страданий, которые испытал японский народ в годы войны. Важным постулатом, на котором воспитывались послевоенные японцы, была идея, что японский народ, равно как и император, стал жертвой милитаристской клики, которая привела страну к военной катастрофе. При этом фактически замалчивалась субъектность милитаристской политики, позволяющая определить ответственность виновных за те или иные преступные деяния. По мнению итальянского исследователя М. Дьяна, в историческом видении недавнего прошлого в послевоенной Японии сложился дискурс «истории пассивного залога»

[Dian 2017, p. 42] в рамках которого события происходили как бы сами по себе («Было начато продвижение на материк», «Был отдан приказ начать наступление» и т. д.)

Виктимность особенно подпитывалась трагическими событиями конца войны, к которым в первую очередь относятся ковровые бомбардировки Токио марта 1945 г. и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, унесшие жизни сотен тысяч японских граждан. Япония была практически полностью разрушена и лежала в руинах. По мнению многих, многочисленные жертвы среди мирного населения, особенно те, кто пострадал от столь бесчеловечного оружия, в значительной мере искупили вину Японии за ее исторические прегрешения.

Как «справедливость победителей», то есть, по сути, как несправедливые, в глазах многих японцев стали представляться итоги Токийского процесса, хотя Международный военный трибунал для Дальнего Востока был создан для того, чтобы судить высших руководителей Японии за их преступления против человечности и мира. И это стало серьезным препятствием для критического осмысления уроков прошедшей войны. Как писал японский исследователь М. Футamura, Токийский процесс, при том, что он способствовал росту антимилитаризма и пацифизма, так и не стал «уроком истории», а его воспитательное значение было крайне ограниченным [Futamura 2008, p. 106].

Критическому осмыслению экспансионистской политики периода Второй мировой войны препятствовало и то, что в глазах японцев такая политика была обычной для крупных государств того времени, включая Великобританию и США, и данное обстоятельство не давало этим странам морального права на оценку действий Японии в годы войны, которые по сути не отличались от их собственных действий. Именно эту точку зрения выдвинул на трибунале индийский судья Радхабинод Пал, высказавший свое особое мнение в отношении вынесенного Токийским трибуналом обвинительного вердикта [Dower 1986, p. 37–38].

Появлению «комплекса вины» у японского народа не способствовали и особенности послевоенной международно-политической ситуации в регионе. С провозглашением в 1949 г. КНР в полный рост встала задача сдерживания коммунизма на Дальнем Востоке. В этих условиях США, оккупировав Японию, взяли курс на ее превращение в своего верного союзника. Чтобы развеять образ врага и привлечь к себе симпатии японцев, они поощряли такой взгляд на историю, при

котором японский народ был не виноват, а всю ответственность должны нести милитаристские лидеры.

По этой причине судебное преследование организаторов милитаристской политики было организовано таким образом, чтобы показать: и император, и рядовые граждане пострадали от действий военных и политических лидеров страны и после их наказания японская нация может начать новый, демократический этап своего развития. Обратной стороной такой политики стала ограниченность самокритичной оценки японцами своего прошлого, что неизбежно затруднило процесс полноценного урегулирования отношений со странами-соседями.

Не способствовали активной политике примирения с соседями и особенности внешнеэкономических связей Японии, сложившихся в послевоенный период. В отличие от Германии, благосостояние которой было основано на тесных экономических связях с близлежащими европейскими странами, пострадавшими от ее агрессивной политики в годы войны, Япония в период холодной войны развивалась как мировая торговая нация, ориентированная на глобальные, а не региональные экономические отношения. Если Германия смогла наладить ряд других важных политических и институциональных партнерств с соседними государствами через НАТО и Европейское экономическое сообщество, то Япония после войны надолго «застряла» в асимметричных отношениях с Соединенными Штатами, и, находясь в зависимости прежде всего от емкого американского рынка, не испытывала столь насущной потребности в добрососедских отношениях с восточноазиатскими странами.

Пассивности Токио в вопросах примирения с соседями способствовал и внутривнутриполитический фон, а именно — система однопартийного господства Либерально-демократической партии, закрепившейся у власти почти на четыре десятилетия. В отношении проблем, связанных с наследием Второй мировой войны, партия в целом занимала паллиативную позицию, явившуюся плодом компромисса между консервативными и прогрессивными традициями. Она заключалась в том, что Япония, как и в довоенный период, должна сохранить свою идентичность как лидер азиатского мира. Япония должна была «вернуться» в Азию, чтобы помочь ей избавиться от отсталости, но не через политический и военный контроль над восточноазиатскими странами, как это было в довоенную эпоху, а через экономические связи с ними.

Таким образом, консерваторы выступали за возвращение к лидерской роли Японии, основанной на социально-экономическом и культурном превосходстве страны, которая первая среди азиатских стран преодолела свою азиатскую идентичность, чтобы принять западную модель развития. При этом критического осмысления и тем более прямого отрицания довоенного наследия, по мнению консервативного руководства ЛДП, от Японии особенно не требовалось.

Свою мессианскую роль в отношениях с азиатскими странами Япония пыталась реализовывать на двустороннем уровне, а проблеме негативного к себе отношения народов этих стран, связанного с памятью о периоде японской оккупации, решала в основном с помощью экономической помощи и заверений в мирном характере своих побуждений. За этим почти не звучало политических заявлений, в которых не только давалась бы неоднозначная оценка милитаристского прошлого, но и присутствовали бы извинения, которых ждали от Японии в восточноазиатских столицах. Именно так можно оценить «доктрину Фукуда» — политику тесных экономических связей со странами ЮВА, провозглашенную премьер-министром Японии Т. Фукуда в ходе его турне по странам АСЕАН в 1977 г.

В свою очередь в конфликте с Японией по вопросам исторического прошлого не были заинтересованы и ее азиатские партнеры, включая бывшие японские колонии — Республику Корея и Тайвань. Режим Пак Чжон Хи в 1965 г. согласился с условиями послевоенной нормализации двусторонних отношений, предполагавшими взаимный отказ от претензий по вопросам колониального правления. Южнокорейская сторона полностью удовлетворилась формальным выражением «раскаяния» в связи с колониальным прошлым, содержавшимся в заявлении японского министра иностранных дел Японии Э. Сиина. На церемонии подписания соглашения о нормализации отношений в 1965 г. тот выразил «искреннее сожаление» (*макото ни икан*) и «глубокое раскаяние» (*фукаку хансэй*) по поводу «неудачного периода» истории отношений двух стран [Yamazaki 2006, p. 34]. Что касается Тайваня, он был вынужден решать проблему «нового колониализма» в лице гоминьдановского режима, что снижало накал антияпонских настроений в тайваньском обществе и препятствовало становлению критических взглядов на период японского правления до 1945 г.

Не выступал в период холодной войны с активными нападками на Японию по поводу ее милитаристской политики и коммунистической

Китай. В период власти Мао в стране господствовал марксистский взгляд на историю, согласно которому народ не может быть виноват, а ответственность за агрессивную политику должны нести его правители, то есть японская милитаристская клика. К тому же Гоминьдан был в идеологическом дискурсе КНР гораздо более страшным врагом, чем японские оккупанты. Такое видение истории снижало остроту проблемы извинений в двусторонних отношениях, тем более что на официальном уровне они не были установлены вплоть до 1972 г. Впервые слова извинений пришлось произносить премьер-министру К. Танака, который прибыл в сентябре 1972 г. в Пекин для восстановления отношений. В конечном счете, несмотря на некоторое неудовольствие чересчур мягкой извинительной фразеологией японской стороны, Китай, заинтересованный в партнерстве с Японией в деле противостояния «советскому гегемонизму» в Азии, пошел на то, чтобы на долгие годы убрать историческую тему из двусторонней дипломатической повестки.

На этом фоне вопросы исторического прошлого если и появлялись в дипломатической повестке дня Японии в ее отношениях со странами-соседями, их воздействие на эти отношения было ограниченным. Например, в начале 1980-х гг. разгорелся дипломатический скандал в связи с проблемой учебников истории для японской средней школы, где содержались апологетические взгляды на политику японских властей на материке в период Второй мировой войны. В результате протестов, прозвучавших из восточноазиатских столиц, японскому правительству пришлось в 1982 г. внести в нормативную базу по сертификации учебников специальное положение «о близлежащих странах», согласно которому в тексте учебников не должно содержаться утверждений, которые вызвали бы негативную реакцию со стороны стран-соседей. Поводом для протестов стал также визит в храм Ясукуни премьер-министра Я. Накасонэ 15 августа 1985 г. — в этот день в Японии отмечалось 40-летие окончания войны.

К серьезным и долгосрочным дипломатическим осложнениям эти скандалы не приводили. В первую очередь это было связано с тем, что дискурс холодной войны заслонил собой проблемы исторического прошлого, которые носили в его рамках второстепенный характер. Для Японии, ключевого союзника США на Дальнем Востоке, проблемы урегулирования отношений с восточноазиатскими странами по вопросам истории проявлялись в первую очередь в глобальном

геополитическом контексте, где главными факторами были американо-советское и китайско-советское противостояние. Логика системы «оси и спиц», по большому счету, препятствовала взаимному сближению партнеров США по альянсам, которая потребовалась бы в случае создания сетевых структур безопасности, что деактуализировало вопрос о примирении Японии с другими азиатскими союзниками Вашингтона [Pollman 2016, p. 313]. Пекин же смотрел на Токио как на потенциального союзника в соперничестве с Москвой и не хотел создавать дополнительного повода для ссор.

Наконец, важно было и то, что в Восточной Азии в период холодной войны преобладали авторитарные режимы, которые были способны подавить внутренние общественные протесты. Это давало им возможность не оглядываться на антияпонские настроения в массах, связанные с недостаточным покаянием Японии за свои исторические прегрешения. На этом фоне у Японии не возникало потребности в завоевании общественного доверия в «идейного близких» ей азиатских странах (Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Индонезия), с которыми она пыталась развивать политические и экономические связи.

Начало 1990-х гг. охарактеризовалось радикальными переменами в отношении к недавнему историческому прошлому, включая военные преступления японского милитаризма, как в самой Японии, так и в странах-соседах. И тому было несколько причин.

Прежде всего, в мире возник феномен «глобализации памяти» [Dian 2017, p. 88]. Многие вопросы исторического прошлого, к которым ранее не привлекалось общественного внимания, в результате подъема национального самосознания переместились в центр идейно-политического дискурса. Многочисленные этнические конфликты (Югославия, пространство бывшего СССР, Руанда), разгоревшиеся в начале 1990-х гг., привнесли новую актуальность в проблемы национального примирения, включая вопросы международного и национального правосудия, а также исторического образования.

В Европе произошло объединение Германии, которое вызвало небывалый всплеск интереса не только к проблематике Второй мировой войны, но и к непримиримой позиции нового германского государства по отношению к своему нацистскому прошлому. Германская политика исторической памяти стала представляться как некая успешная модель примиренческой линии, позволившей стране построить гармоничные отношения с внешним миром. На этом фоне на Западе

появился запрос на подобные действия со стороны Японии, которая, как и Германия, должна была «взглянуть в лицо прошлому» и добиться примирения с соседями. В Японии новые веяния времени вызвали всплеск общественного интереса к германскому опыту. Например, знаменитая речь президента Германии Рихарда фон Вайцзеккера, произнесенная в 1985 г., через сорок лет после окончания войны, была переведена на японский язык и за десять лет вышла в 29 изданиях. Для перевода немецкого термина *Vergangenheitsbewältigung* («работа с прошлым») даже был изобретен специальный термин *како-но кокуфуку* (букв. «преодоление прошлого») [Conrad 2003, p. 96].

Феномен «глобализации памяти» в Японии проявился в том, что если до 1980-х гг. проблема ее примирения с соседями рассматривалась в основном как вопрос двусторонних отношений, то теперь, в рамках новой парадигмы, на передний план вышел общерегиональный и глобальный контекст этой проблемы. От Японии, искавшей свою новую глобальную роль, требовалось найти и соответствующую этой роли национальную идентичность как честного и справедливого государства, «совесть» которого по отношению к собственному историческому прошлому чиста.

В начале 1990-х первоочередной для Японии стала задача обрести статус «ответственной державы», претендующей на роль глобального политического лидера, активно участвующего в решении глобальных проблем. В 1992 г., после провала «дипломатии чековой книжки», Япония поставила цель вхождения в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена, а для этого ей нужна была поддержка стран Азии и Африки. Это, в свою очередь, актуализировало задачу примирения с азиатскими странами по вопросам исторического прошлого, которую невозможно было решить без символических жестов примирения и раскаяния с ее стороны, а также существенного смягчения националистической риторики в выступлениях ее лидеров.

В направлении курса на примирение Японию толкали и изменения в восточноазиатских странах, где крах авторитарных режимов сопровождался ростом национального самосознания и появлением новой, более «патриотической» идентичности. Нередко новые демократические правительства использовали факторы национализма и собственной виктимизации в качестве инструментов для укрепления своей политической легитимности. Для их политической

элиты беспроигрышным вариантом было апеллирование к нерешенным проблемам исторического прошлого.

Типичным примером в этом отношении была Республика Корея. Актуализация проблемы «женщин для утешения» в начале 1990-х гг. стала результатом действия многих разнонаправленных факторов, включая уже упомянутую «глобализацию памяти», рост национализма, ослабление тотального идеологического контроля и демократизацию общественной жизни. Не случайно первые свидетельства доживших до этого времени «женщин для утешения» были опубликованы именно тогда. Это дало Сеулу возможность прибегнуть к политическому и дипломатическому давлению на Токио с целью заставить его принести извинения жертвам. Как следствие, вопросы извинений и компенсаций на долгие годы становятся серьезным препятствием в японо-южнокорейских двусторонних отношениях.

Изменился для Японии и внутривнутриполитический контекст, и прежде всего в связи со сменой поколений и крахом «системы 1955 года», в результате чего «дипломатия извинений» помимо внешнеполитического обрела и внутривнутриполитическое измерение. Если в середине 1980-х гг. премьер Накасонэ Ясухиро, выражая «глубокое сожаление» по поводу исторического прошлого и принимая решение прекратить визиты в храм Ясукуни, руководствовался исключительно прагматическими соображениями, связанными со стремлением Японии стать региональным лидером, то теперь выражение раскаяния стало в равной, а иногда и в большей степени направлено на внутреннюю аудиторию.

Если в представлении послевоенных японцев тотальное осуждение недавнего прошлого было эквивалентно предательству памяти отцов и дедов, которые непонятно за что проливали свою кровь, то теперь же, с выходом на политическую арену поколения, которое уже не имело личного опыта общения со старшими родственниками, помнившими войну, этот фактор переставал действовать. В результате появилась возможность более беспристрастно оценивать историческое прошлое [Liu 2008, p. 339].

Кроме того, в условиях деидеологизации политического пространства вопросы истории обрели новую ценность в качестве инструмента внутривнутриполитической борьбы. Известно, что и ранее исторические материалы о военных преступлениях были рассекречены и доступны для исследований, однако только сейчас у политиков

появились реальные возможности использовать их, например для получения дополнительных рейтингов доверия со стороны избирателей. Как отмечал британский исследователь Н. Пайпер, интерпретация прошлого и отождествление с ним могут быть средством достижения политических целей [Piper 2001, p. 136].

При этом к необходимости решать проблемы исторического прошлого наиболее активно апеллировали левые политики, которые, улавливая новую общественную атмосферу, стали главными бенефициарами краха «системы 1955 года». По мнению японского историка К. Того, «многие лидеры общественного мнения центристского или левого толка с недавних пор стали поднимать вопрос ответственности за войну. Они указывают, что Япония никогда ранее не поднимала этот вопрос по собственной инициативе, и доказывают, что к теме ответственности должен обратиться сам японский народ» [Togo 2008, p. 72].

«Дипломатия извинений» в постбиполярный период

В начале 1990-х гг. Япония в своей внешнеполитической стратегии на азиатском направлении стояла перед дилеммой: либо сохранить свою идентичность как «миролюбивая держава» (*хэйва кокка*), проводя в отношении стран-соседей «дипломатию примирения», либо, отвергнув пацифистские ограничения, быть «нормальной страной» (*фуцу-но кuni*), авторитет которой был бы основан на экономическом, технологическом и даже военном лидерстве, но не на национальном покаянии и признании вины в отношении исторического прошлого.

Первую линию пытались проводить в жизнь в 1990–2000-е гг. консервативные правительства ЛДП (кабинеты Хасимото, Обути, Коидзуми и Абэ), вторую — правительства, сформированные противостоящим ЛДП «прогрессивным» лагерем — кабинеты Хосокава (1993–1994), Мураяма (1994–1996), а также кабинеты Демократической партии после смены власти в 2009 г. Однако и те и другие активно использовали в своих интересах «дипломатию извинений», хотя ее значимость в дипломатическом инструментарии отдельных кабинетов была разной.

Первым «дипломатию извинений», основанную на самокритике и открытом выражении раскаяния по поводу исторического прошлого, начал проводить в 1990 г. кабинет Кайфу Тосики. Во время визита

в Японию президента Республики Корея Ро Дэ У в мае 1990 г. японский премьер-министр заявил, что народ Кореи «испытал огромные страдания из-за действий нашей страны в определенный период прошлого» и что в связи с этим он хотел бы открыто «принести свои извинения» (*оваби-но кимоту*). Примечательно, что ранее японские премьер-министры (в частности, Я. Накасонэ) и японский император в своих выступлениях использовали только слово «сожаление» (*икан*) [Saito 2017, p. 76].

В 1991 г., в пятидесятую годовщину нападения Японии на Юго-Восточную Азию и на Перл-Харбор, Т. Кайфу в ходе турне по странам АСЕАН посетил Сингапур и выступил с речью, в которой выразил «сильное чувство раскаяния» (*кибисику хансэй*) за действия своей страны, которые причинили невыносимые страдания и горе многим людям в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Saito 2017, p. 77].

Следующий японский премьер, Миядзава Киити, посещая Сеул 17 января 1992 г., принес извинения за «невыносимые боль и страдания жителей Корейского полуострова», упомянув в их числе и «женщин для утешения» [Батакова 2015, с. 40]. Тем не менее Миядзава не обещал выплатить им компенсацию, а лишь выразил намерение расследовать исторические факты, касающиеся этого вопроса.

На излете своего правления кабинет Миядзава отметился крупным внешнеполитическим заявлением по вопросу об исторической ответственности Японии, на этот раз по проблеме «женщин для утешения». 4 августа 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй в своем публичном выступлении признал, что правительство прямо или косвенно участвовало в создании и управлении «станциями утешения», а также то, что во многих случаях работавшие там женщины были завербованы против своей воли. Затем он заявил: «Правительство Японии хотело бы воспользоваться этой возможностью еще раз, чтобы выразить свои искренние извинения и раскаяние в отношении всех тех, кто, независимо от своего происхождения, испытал неизмеримую боль и получил неизлечимые физические и психологические раны, будучи “женщинами для утешения”... Настоящим мы подтверждаем свою твердую решимость никогда не повторять ту же ошибку, навсегда запечатлев этот вопрос в нашей памяти как урок истории» [Ministry of Foreign Affairs of Japan 1993].

Заявление Коно на сегодняшний день является самым сильным выражением раскаяния и чувства вины японского правительства по

проблеме «женщин для утешения». Качественно новый момент, связанный с этим заявлением, заключается в том, что официальный Токио впервые признал: система «станций для утешения» была спланирована, спонсирована и организована японскими властями даже в тех случаях, когда эксплуатацией военных борделей занимались частные компании. Кроме того, в заявлении четко признается, что «женщины для утешения» были завербованы против своей воли, путем принуждения и запугивания, и что они сильно пострадали из-за ужасных условий, в которых содержались. Это заявление противоречило предыдущей официальной позиции Токио, согласно которой «женщины для утешения» ни в коей мере не принуждались к работе и были просто «наемными проститутками».

В 1993–1996 г. у власти в Японии находились «прогрессистские» кабинеты, которые основывали свою «дипломатию извинений» на постулате о необходимости скорейшего примирения со странами-соседями и об ответственности страны перед пострадавшими от ее политики жертвами. В этом смысле они впервые оспорили послевоенную идею виктимности японской нации и поставили вопрос об ответственности не только милитаристской клики, но и всего японского народа. Как отмечал М. Дьян, «прогрессистскую традицию» характеризовала идея, что Япония была и преступником, и жертвой одновременно [Dian 2017, p. 91]. Таким образом, вопрос ответственности и извинений за войну стал краеугольным камнем «прогрессистского нарратива».

Вскоре после своего избрания премьер-министром в августе 1993 года Хосокава Мориhiro открыто признал, что Япония вела «агрессивную войну» (*синряку сэнсо*) и что он считает ее «ошибочной войной» (*матигатта сэнсо*) [Saito 2017, p. 82–83]. Хосокава пошел дальше Я. Накасонэ, который в декабре 1985 г. уже признавал, что война была «ошибочной войной», которую Япония не должна была начинать, и что Япония совершила акт «агрессии» против Китая. Таким образом, Хосокава стал первым премьер-министром, который ясно заявил, что Япония вела агрессивную войну, а не просто совершила акт агрессии, и возложил на нее прямую ответственность за ведение такой войны.

Линию на примирение с соседями с помощью «дипломатии извинений», которую Хосокава проводил, несмотря на внутреннее сопротивление консервативных сил, была продолжена в ходе зарубежных

визитов японского премьера в соседние страны. Так, во время посещения Южной Кореи в ноябре 1993 г. Хосокава выразил свое «искреннее раскаяние» (*кокоро кара хансэй*) и принес «глубокие извинения» (*фукаку тинся*), признав, что в ходе колониального правления Японии вынуждала корейцев принимать японские имена и создала систему сексуальной эксплуатации «женщин для утешения» [Dian 2017, p. 99]. В марте 1994 года Хосокава нанес визит в Китай, в ходе которого выразил свое «глубокое раскаяние» (*фукай хансэй*) и принес свои «извинения» (*оваби*) за совершенные Японией акты агрессии, которые принесли многим китайцам невыносимые страдания. Вместе с тем Хосокава продолжал следовать старой линии отказа от компенсаций жертвам японской политики на материке, настаивая на том, что данный вопрос был решен в ходе нормализации дипломатических отношений [Saito 2017, p. 85].

Следующим крупным шагом в рамках «дипломатии извинений» стало Заявление Мураяма 1995 года. В этот период у власти в Японии находилась коалиция ЛДП и СПЯ, возглавляемая социалистом Мураяма Томиити. В начале июня 1995 г. палата представителей японского парламента приняла резолюцию, в которой содержалось намерение «вновь проявить решимость добиваться мира на основе уроков истории» и выражалось «глубокое раскаяние» в связи со страданиями, причиненными народам других стран в результате японской агрессии. Однако, в противоположность курсу СПЯ, в заявлении не содержалось никаких извинений за содеянное. Кроме того, японская милитаристская политика позиционировалась в документе в более широком контексте «бесчисленных случаев колониального господства и агрессии в современной мировой истории» [Cunningham 2004, p. 268].

В связи с этим Т. Мураяма принял решение выступить 15 августа на церемонии по поводу окончания войны и принести официальные извинения в качестве премьер-министра страны. Он заявил, что Япония, «следуя ошибочной национальной политике», «своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран, особенно народам Азии». Мураяма принес «искренние извинения» и выразил «глубокую скорбь по всем жертвам этой политики, как внутри страны, так и за рубежом» [Ministry of Foreign Affairs of Japan 1995]. В дополнение к официальным извинениям Т. Мураяма в июле 1995 г. взял на себя инициативу создания специального фонда для выплаты компенсаций «женщинам

для утешения» (Азиатский женский фонд), финансируемого в основном за счет бюджетных средств [Wada 2008]. С 1996 по 2002 г., до момента роспуска фонда, жертвам вручалось подписанное японским премьер-министром письмо, в котором, в частности, содержались следующие слова: «Как премьер-министр Японии, я вновь выражаю свои самые искренние извинения и чувство раскаяния всем женщинам, которые испытали неизмеримую боль и получили неизлечимые физические и психологические раны, будучи “женщинами для утешения”».

Заявление Мураяма от 15 августа 1995 г. является на сегодняшний день самым сильным актом «дипломатии извинений». Значимость этого заявления заключается в том, что Мураяма впервые публично признал историческую ответственность всего японского народа за проводившуюся в годы войны политику на материке [Dian 2017, p. 101]. Ранее эта ответственность была размытой, так как, даже признавая «ошибочность» проводившейся политики, японские лидеры старались избежать ответа на вопрос об ответственности. Теперь же этот вопрос оказался в центре дискурса вокруг проблем исторического прошлого.

После ухода в отставку коалиционного кабинета СПЯ — ЛДП и восстановления в январе 1996 г. монополии ЛДП на премьерский пост в политике примирения наступил своего рода консервативный откат. Консервативные правительства критиковали Заявление Мураяма, вернувшись к прежней риторике относительно «оборонительного характера» минувшей войны и «преувеличения» «прогрессистами» масштабов японских преступлений. Они утверждали, что у «прогрессистов» было «мазохистское видение истории», что Япония должна гордиться самопожертвованием поколения военного времени, поскольку оно заложило основу современного процветания страны. В рамках новой политической линии Р. Хасимото в конце июля 1996 г. нанес визит в храм Ясукуни, сделав это в первый раз после визита туда японского премьер-министра Накасонэ в 1985 г.

Вопрос об извинениях, как это было в период холодной войны, быстро утратил морально-этическую коннотацию и обрел чисто утилитарную функцию, став своего рода разменной монетой во взаимоотношениях Японии со странами-соседями. В свою очередь, Китай и Южная Корея стали активно использовать карту «извинений» для оказания давления на Японию и для торга, нацеленного на получение уступок по иным вопросам. Естественно, межгосударственные

отношения не улучшались, поскольку в ответ на японские извинения лидеры стран-партнеров требовали от Токио все новых и новых форм демонстрации покаяния. Это давало многим японцам основания ассоциировать извинения со слабостью или, наоборот, рассматривать их как дипломатическую рутину, а не как проявление истинного отношения к историческому прошлому.

Например, во время визита премьера Госсовета КНР Цзян Цзэминя в Токио в ноябре 1998 г. китайская сторона предложила включить в совместное коммюнике пункт с извинениями, основанное на букве и духе Заявления Мураяма. Япония отказалась, сославшись на то, что извинения уже были включены в коммюнике 1972 г. и что император Акихито уже принес свои извинения во время своего визита в Пекин в 1992 г. Японский премьер К. Обути предложил компромисс: Япония соглашается на включение пункта об извинениях в обмен на обещание китайской стороны считать вопросы истории полностью решенными и не просить дальнейших извинений в будущем. В подписанном обеими сторонами совместном заявлении говорилось, что Япония «признает свою ответственность за серьезные бедствия и ущерб, которые Япония причинила китайскому народу своей агрессией против Китая в определенный период в прошлом, и выражает в связи с этим глубокое раскаяние». [Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998a]. Впрочем, как показало дальнейшее развитие событий, это не решило проблемы, так как китайская сторона продолжила свои нападки в связи с «недостаточным», по ее мнению, уровнем извинений. Не случайно Цзян Цзэминь в ходе подготовки визита отстаивал точку зрения, в соответствии с которой по вопросам исторического прошлого никакого «последнего слова» быть не может [Green 2001, p. 97].

«Дипломатия извинений» применялась кабинетом Обути и в диалоге с Южной Кореей. В октябре 1998 г. по итогам визита президента РК Ким Дэ Чжуня в Токио было принято Совместное заявление, в котором содержался следующий пассаж: «Оглядываясь на отношения Японии и Республики Корея в этом веке, премьер-министр Обути Кэйдзо с чувством смирения смотрит на исторические факты, заключающиеся в том, что Япония в течение определенного периода в прошлом нанесла огромный ущерб и причинила страдания народу Республики Корея посредством колониального господства, и выражает в связи с этим свое глубокое раскаяние и искренние извинения»

[Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998b]. При этом южнокорейская сторона с согласия японской стороны использовала для перевода использованного в японском документе термина *оваби* («извинение») корейское слово *sajoe*, эквивалент японского *сядзай*, а не *sagwa*, которое считается на корейском менее искренним [Ducke 2002, p. 33].

В Токио рассчитывали, что Совместное заявление позволит поставить точку в спорах с Сеулом и что после получения письменных извинений проблемы исторического прошлого будут сняты с двусторонней повестки дня. Президент РК Ким Дэ Чжун высказал пожелание, чтобы и впредь правительство Южной Кореи эти вопросы не поднимало, подчеркнув, что берет это «под свою ответственность». Однако это заявление, как выяснилось, было личной инициативой Кима и не было согласовано с южнокорейским политическим истеблишментом [Батакова 2017, с. 60–61].

Новый импульс «дипломатии извинений» была дан при кабинетах Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006). Он опирался на поддержку право-консервативных организаций, например Ассоциации семей погибших в войне и Ассоциации синтоистских святынь, в результате чего подход правительства к вопросам примирения с соседями был противоречивым. С одной стороны, Коидзуми выступал против таких действий и высказываний по вопросам исторического прошлого, которые можно было бы интерпретировать как слабость и как результат давления со стороны азиатских стран. Именно этими соображениями руководствовался японский премьер, когда в августе 2001 г. возобновил практику посещения храма Ясукуни и сделал ее регулярной, несмотря на яростные протесты Китая и Южной Кореи. Естественно, это привело к существенному охлаждению в двусторонних отношениях. Например, в январе 2003 г. президент Ким Дэ Чжун отменил двусторонний саммит, а в мае 2005 г. вице-премьер КНР У И в ходе своего визита в Японию в ответ на заявление Коидзуми в парламенте о намерении продолжать посещение храма даже отменила встречу с японским лидером и досрочно вернулась на родину [Коммерсантъ 2005].

Однако наряду с визитами в Ясукуни Коидзуми продолжал и «дипломатию извинений» по отношению к восточноазиатским странам, активно используя извинительную фразеологию во время официальных церемоний и зарубежных турне.

Во время своего визита в Китай в октябре 2001 г. японский премьер посетил мост Марко Поло в пригороде Пекина, где в 1937 г. начался

новый виток китайско-японской войны, и осмотрел военный мемориал борьбы китайского народа против японской агрессии. Выступая на пресс-конференции, Коидзуми заявил, что «выражает глубокую скорбь по погибшим» и приносит «искренние извинения китайскому народу» [Funabashi 2007, p. 8].

Коидзуми принес извинения Северной Корее во время своего исторического визита туда в сентябре 2002 г., согласившись на включение в Пхеньянскую декларацию следующей формулировки: «Японская сторона в духе смирения рассматривает исторические факты, свидетельствующие о том, что Япония причинила огромный ущерб и страдания народу Кореи в результате своего колониального господства в прошлом, и выражает глубокое раскаяние и искренние извинения» [Ministry of Foreign Affairs of Japan 2002].

Выступая на саммите Азии и Африки в Джакарте 22 апреля 2005 г., Коидзуми также активно использовал извинительную риторику. Он отметил, что Япония «прямо смотрит в лицо актам истории в духе смирения» и что она проявляет «глубокое раскаяние» и выражает «искренние извинения» в связи с событиями исторического прошлого [Prime Minister of Japan 2005a]. А 15 августа 2005 года премьер-министр Коидзуми заявил на церемонии 60-летия окончания войны следующее: «В прошлом Япония своим колониальным правлением и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран, особенно народам азиатских государств. Искренне глядя в лицо этим фактам истории, я еще раз выражаю свое чувство глубокого раскаяния и приношу искренние извинения, а также выражаю чувства скорби по всем жертвам войны, как внутри страны, так и за рубежом. Я полон решимости не допустить, чтобы уроки этой ужасной войны были сведены на нет, и внести свой вклад в мир и процветание мира, никогда больше не развязывая войны» [Prime Minister of Japan 2005b]. Таким образом, Коидзуми, по сути, подтвердил основные положения Заявления Мураяма.

После отставки Коидзуми и чехарды кабинетов ЛДП к власти в стране в 2009 г. на три года приходит Демократическая партия Японии. Наметился новый поворот к примиренческой политике. Наиболее ярким ее выразителем стал премьер-министр Кан Наото, который продолжил усилия по примирению с азиатскими странами. 10 августа 2010 г., выступая в связи со столетней годовщиной аннексии Кореи, Кан выразил «чувство глубокого раскаяния» и принес свои «искрен-

ние извинения» за «огромный ущерб и страдания, причиненные колониальным правлением». Он также сказал, что Япония колонизировала Корею против воли корейского народа, «национальной гордости которого был нанесен большой ущерб». Кан стал первым японским премьер-министром, признавшим, что договор об аннексии 1910 г. между Японией и Кореей не был актом взаимного согласия, а был навязан Корее в политических и военных обстоятельствах того времени [Prime Minister of Japan 2010].

Приход к власти ЛДП во главе с Абэ Синдзо в декабре 2012 г. ознаменовал собой новый этап «дипломатии извинений». Еще в период первого своего премьерства Абэ в 2006 г. нанес визит в Китай и заявил на итоговой пресс-конференции, что Япония прошла 60 послевоенных лет «на основе глубокого раскаяния по поводу того, что в прошлом она причинила огромный ущерб и страдания народам азиатских стран, нанеся им раны». По словам Абэ, это чувство, которое разделяет и он сам, «не изменится в будущем» [Prime Minister of Japan 2006]. Хотя Абэ считается «историческим ревизионистом», после возвращения во власть он, как и Коидзуми, по проблеме извинений попытался найти баланс между приверженностью уже сделанным ранее заявлениям (в том числе Заявлению Мураяма) и стремлением постепенно деактуализировать вопрос об извинениях в дипломатической повестке отношений с соседями.

Ключевым моментом «дипломатии извинений» Абэ стал 2015 г. — год 70-летия окончания войны. Обращало на себя особое внимание то, какими словами японский премьер выразит слова извинения и раскаяния в отношении стран-соседей во время церемонии 15 августа.

Абэ заявил о намерении «распростаться с колониальным правлением и уважать право всех народов мира на самоопределение», добавив, что Япония «дала эту клятву вместе с глубоким покаянием за прошлую мировую войну». Повторяя Заявление Мураяма, Абэ заявил, что он низко склоняет голову перед памятью всех павших, «как в нашей стране, так и за рубежом», приносит соболезнования и выражает «неизбывную сердечную скорбь».

Вместе с тем в выступлении Абэ прослеживались и элементы его «ревизионистской» позиции по вопросам исторического прошлого. В частности, он пытался оправдать политику Японии, заявив, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономического и дипломатического тупика», спровоцированного политикой

Запада. Кроме того, коснувшись болезненной темы «женщин для утешения», Абэ упомянул лишь абстрактных «женщин, чести и достоинству которых были нанесены глубокие раны», но не детализировал, что это были за женщины и кто и в какой форме нанес им эти раны. Основной пафос выступления Абэ был направлен на то, что новому поколению японцев уже не за что извиняться. «Нельзя обречь наших детей, внуков и будущие поколения — тех, кто не имеет никакого отношения к той войне, — продолжать приносить за нее извинения», — заявил он [Prime Minister of Japan 2015].

В СМИ Южной Кореи и Китая заявление Абэ было воспринято критически. Многие комментаторы указывали, что Абэ лишь повторил извинительные тезисы Заявления Мураяма, касающиеся политики Японии на материке, но сделал это не сам, то есть как «субъект» извинений, а лишь как лицо, подтверждающее чужие извинения. В комментарии китайского агентства Синьхуа говорилось, что если Мураяма делал свое заявление как премьер-министр, представляющий правительство и народ Японии, то извинения Абэ были опосредованными. Как подчеркивалось в сеульской газете «Чосун ильбо», выступление Абэ создает впечатление, что он «раскаивается и извиняется со ссылкой на чужие слова» [Акахата 2015].

Тема агрессивной политики Японии в годы войны уже не звучала в выступлении японского премьера Абэ на церемонии по поводу 75-летия окончания войны, состоявшейся 15 августа 2020 г., как не выражались в нем и извинения перед странами-соседями. Вместе с тем император Нарухито в своем обращении заявил о «чувстве глубокого раскаяния», которое он испытывает, размышляя о прошлом, и выразил искреннюю надежду, что «разрушительные последствия войны никогда больше не повторятся» [The Mainichi 2020].

«Дипломатия извинений» на современном этапе

Для народов стран Восточной Азии воспоминания о периоде войны остаются постоянной кровоточащей раной. Несколько поколений граждан двух корейских государств, Китая, а также стран Юго-Восточной Азии были воспитаны на идее несправедливости послевоенного миропорядка, в условиях которого Япония избежала ответственности за свои исторические преступления, не понесла за них достаточного наказания и не проявив должного покаяния.

Выше было показано, что проблема извинений в отношениях со странами-соседями на отдельных этапах послевоенной истории стояла перед японской дипломатией достаточно остро. Ее актуальность существенно усилилась с того момента, когда после окончания холодной войны Япония стала выстраивать со странами-соседями новую дипломатию, основанную на принципах равенства и взаимного уважения. Свою роль сыграло и сокращение разрыва в экономической мощи Японии и ее партнеров, а также усиление взаимозависимости восточноазиатских экономик, что позволило РК и Китаю активнее использовать «экономическую карту» для оказания на Японию давления по вопросам исторического прошлого.

Если говорить о Республике Корея, то сложность решения вопроса о примирении с Японией по вопросам исторического прошлого связана не только с воспоминаниями о японской милитаристской политике периода Второй мировой войны, но и с сохранением на коллективном уровне более глубокой исторической памяти. В глазах многих южнокорейцев Япония на протяжении многих веков была одной из наиболее «варварских» стран, расположенных на периферии синоцентричного мира, а ее культурное развитие было основано в первую очередь на перенимании китайского и корейского культурного опыта. После завершения эпохи Мин и воцарения в Китае «варварской» цинской династии корейцы стали воспринимать свою страну как наследницу традиций просветительства, имеющую культурное превосходство над Японией. В Корее помнят и о нашествиях войск Хидэёси конца XVI в., которые закончились неудачей в результате отпора со стороны патриотических сил страны. Сильные антияпонские настроения преобладали в Корее во второй половине XIX — начале XX в., когда она стала объектом соперничества двух могущественных соседей, а впоследствии и японской колонией. Историческое прошлое, связанное с Японией, отзывается в сердцах корейцев и обидой за убийство королевы Мин, после которого корейский король в 1896 г. был вынужден в течение года скрываться в стенах российского посольства в Сеуле.

В период колониального господства 1910–1945 гг. корейцы воспринимались в Японии в качестве граждан второго сорта и подвергались жестокой этнической дискриминации. Многие из них, оказавшись в колониальный период в Японии, стали жертвами антикорейских настроений в японском обществе, которые особенно ярко проявились

в период «рисовых бунтов» 1919 г. и особенно землетрясения 1923-го, в «организации» которого обвинили корейцев, после чего последовали корейские погромы. Особое возмущение и чувство неотмщенной несправедливости продолжает вызывать память о навязывании корейцам японских имен, о насильственной трудовой мобилизации корейцев в годы Второй мировой войны для работы на японских военных заводах. Корейцы помнят и о том, что многие их соотечественники безвинно пострадали от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, оказавшись в этих городах помимо своей воли.

К тому же нормализация японо-южнокорейских отношений по соглашению 1965 г. произошла в несправедливой, с точки зрения значительной части современного южнокорейского общества, форме. Правительство Пак Чжон Хи отказалось от каких-либо претензий в отношении Японии в обмен на оказание Сеулу существенной экономической помощи (500 млн долларов в виде правительственной помощи и 300 млн долларов частных инвестиций). Свою роль в современном восприятии той сделки играет осознание собственного бессилия: Южная Корея тогда отчаянно нуждалась в экономической помощи, а в отношении экономически более сильной Японии она не могла ввести каких-либо ощутимых для нее мер воздействия. При этом от японской помощи, которую, по идее, можно было бы считать «компенсацией» за колониальную эксплуатацию, ровным счетом ничего не получили как раз те, кто от нее пострадал в наибольшей степени: бывшие корейские рабочие, насильственно рекрутированные на японские оборонные предприятия, корейцы, пострадавшие от атомных бомбардировок, а также «женщины для утешения» — корейки, подвергавшиеся насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях.

В настоящее время источником острой обиды южнокорейцев, пожалуй, остаются три основных момента.

Во-первых, южнокорейцы хотели бы, чтобы Япония признала договор 1910 г. нелегитимным с момента его подписания и официально осудила период колониального правления 1910–1945 гг. Япония же в ответ настаивает, что договор был заключен в соответствии с международным правом того времени и имел юридическую силу вплоть до ее капитуляции в 1945 г. и что в этот период ею был внесен немалый вклад в экономическое и культурное развитие Кореи.

Во-вторых, южнокорейская сторона настаивает, что, поскольку от нормализации отношений в 1965 г. южнокорейские жертвы японского колониального владычества не получили должной компенсации, именно японское правительство обязано предоставить им такую компенсацию — но не частные лица. В свою очередь Токио, не отрицая наличия проблемы, придерживается той точки зрения, что, поскольку стороны в 1965 г. отказались от взаимных претензий по итогам японского колониального правления, материальную помощь пострадавшим корейским гражданам с японской стороны должны оказывать частные лица и организации. В 2015 г. после долгих переговоров стороны все же договорились о создании специального фонда для выплаты компенсаций «женщинам для утешения», в который японская сторона должна была внести из государственного бюджета 1 млрд иен (около 10 млн долларов). Однако уже через три года деятельность фонда была приостановлена по инициативе Южной Кореи, новое правительство которой фактически стало рассматривать действия предыдущего президента, подписавшего соглашение, как «предательство». С 2018 г. между двумя странами продолжается конфликт по поводу компенсаций корейским рабочим, трудившимся в годы войны на японских предприятиях: японская сторона отказывается выполнять предписания южнокорейских судов, вынесших постановления в пользу корейских жертв и их потомков.

В-третьих, многие южнокорейцы полагают, что японская сторона должна выступить с новыми извинениями, причем их в недвусмысленной форме должен принести не кто иной, как японский император. Это связано с тем, что порабощение Кореи и сама колониальная политика проводились в довоенный период от его имени, и поэтому именно император должен лично выступить с извинениями перед корейским народом. Хотя в соответствии с послевоенной японской конституцией роль императора носит символический характер, он регулярно выступает в этой роли в качестве главы государства и представителя Японии и японского народа на официальных церемониях.

Нужно отметить, что в послевоенный период японские императоры несколько раз выражали свою оценку колониальной политики Японии в Корее. 6 сентября 1984 года на этот счет высказался император Хирохито во время официального визита главы южнокорейского государства Чон Ду Хвана в Японию. Отметив, что между двумя странами существовали глубокие отношения с долгой историей, он

заявил: «Несмотря на это, в нынешнем столетии в отношениях между нашими странами был короткий несчастливый период. Это поистине достойно сожаления; этого больше не повторится» [Yamazaki 2006, p. 36]. Высказывание императора, при том, что в Республике Корея оно было воспринято позитивно, до конца не удовлетворило южнокорейскую сторону, которая хотела бы получить извинения в более четкой и недвусмысленной форме [Yamazaki 2006, p. 38].

24 мая 1990 г. император Акихито, принимая в Токио президента Южной Кореи Ро Дэ У, заявил, что «не может не чувствовать “сильную печаль”, когда задумывается «о страданиях людей в вашей стране, вызванных нашей страной в этот несчастный период». Американская исследовательница Дж. Ямадзакки обратила внимание на тот факт, что использованный императором термин *цусэки* («сильная печаль») записан двумя китайскими иероглифами, означающими «боль» и «сожаление». Это необычное слово, и некоторые южнокорейцы критиковали его как несколько архаичное и неясное, настаивая на том, что «истинное» извинение должно включать более очевидные формы извинительной лексики, содержащейся в японских словах *сядзай*, *оваби* или *сумимасэн* [Yamazaki 2006, p. 40].

Если южнокорейцы нуждаются в открытом признании вины за их унижения и страдания как японской колонии, то японская сторона готова признать только сам факт исторической несправедливости, глубоко не вдаваясь в неприятные подробности. Поскольку различия в позициях сторон по поводу извинительной лексики следует рассматривать в категориях «сохранения лица», критически важного для дальневосточного культурного ареала, единственным методом «сохранить лицо» может быть только использование нарочито расплывчатых выражений и эвфемизмов, а также отказ от эксплицитных формулировок, описывающих преступления военного времени.

Оборотной стороной этой ситуации является то, что противоположная сторона всегда остается до конца не удовлетворенной, что, в свою очередь, создает проблему «усталости» Японии от извинений. Это порождает постоянный источник напряженности в двусторонних отношениях, которая сохраняется, даже несмотря на близость стратегических интересов сторон как союзников Америки.

С неурегулированностью проблем исторического прошлого в двусторонних отношениях, как и в случае с Южной Кореей, связано негативное отношение к Японии в общественном мнении современного

Китай. Список «исторических» претензий Пекина внушительен: это и унижение от поражения в войне 1894–1895 гг., и японская агрессивная политика в Китае в первой половине XX в., особенно в период 1931–1945 гг., когда ее жертвами стали миллионы китайцев. Наиболее сильные антияпонские эмоции вызывают хорошо известные факты, свидетельствующие о жестокости и негуманности японской политики на материке в период войны: это и так называемая Нанкинская резня, жертвами которой, по разным оценкам, стали от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч мирных граждан; и деятельность «подразделения 731» — особой части японской императорской армии, занимавшейся в Маньчжурии разработкой бактериологического оружия и использовавшей для экспериментов живых людей, в основном из числа китайских граждан; и неофициально проводившаяся японской военщиной в Китае политика «трех всех» («сжигать всех», «убивать всех», «грабить всех») [Ping Bu 2015, p. 122].

При этом, в отличие от Южной Кореи, со стороны Китая исторические претензии к Японии не связаны (или связаны в гораздо меньшей степени) с проблемой материальной компенсации индивидуальным жертвам — речь в основном идет не только о признании ответственности, но и о коллективном покаянии японского народа, которое должно быть выражено в «подобающей» форме и которого, как считают многие в Китае, пока еще недостаточно. Именно поэтому в Китае особое возмущение вызывают визиты японских официальных лиц в храм Ясукуни — они считают, что тем самым Япония демонстрирует миру свое истинное отношение к военным преступникам класса А.

В целом следует признать, что проблема извинений связана с различным восприятием в Японии и в соседних с ней странах проблемы ответственности Японии за ее милитаристское прошлое. В Японии признание вины сочетается с апеллированием к собственным страданиям в период войны, особенно связанным с атомными бомбардировками, и к исторической несправедливости, в том числе в связи с оценкой вердикта Токийского трибунала, воспринимаемого в глазах значительной части японского общества как «суд победителей». Как отмечал китайский исследователь Пин Бу, «пока японцы только подчеркивают свой “опыт жертв” и не задумываются о своей ответственности как причины страданий других, они вряд ли смогут добиться широкого понимания от представителей тех народов, которые пострадали от Японии» [Ping Bu 2015, p. 123].

Японская коллективная память о войне во многом подпитывается дипломатическими скандалами, свидетельствующими о недоверии к ней со стороны стран-соседей. Эти страны в полной мере не принимают извинений Токио, считая их недостаточно искренними по той причине, что в Японии, как на официальном уровне, так и на уровне общественного сознания, отсутствует однозначная и безоговорочная оценка милитаристского прошлого, что в Японии в лице храма Ясукуни, куда совершают паломничество японские официальные лица, сохраняется культ военных преступников и что урегулирование отношений с Японией после войны проводилось без должной материальной компенсации жертвам японской милитаристской политики. В Японии же, наоборот, полагают, что официальных извинений, прозвучавших в послевоенный период, уже более чем достаточно, что послевоенному поколению не за что извиняться, так как милитаристские лидеры были осуждены и уже искупили вину всего народа, и что постоянное внесение вопроса об извинениях в дипломатическую повестку основано на циничных политических расчетах и не имеет ничего общего с поиском исторической справедливости.

На этом фоне восстановление подлинно дружественных, добрососедских отношений Японии со странами-соседями представляется в исторической перспективе маловероятным. Осложняющим фактором в этом отношении выступает рост национализма в странах Северо-Восточной Азии, который препятствует поиску путей примирения. Вместе с тем можно возлагать определенную надежду на новые поколения, для которых, как можно ожидать, историческая память не станет препятствием для установления отношений добрососедства и дружбы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акахата 2015 — Абэ данва. Кайгай мэдиа. Хагэсику хихан [Заявление Абэ. Резкая критика в зарубежных СМИ]. *Акахата*. 16.08.2015. https://www.jcp.or.jp/akahata/aik15/2015-08-16/2015081602_04_1.html (дата обращения 16.08.2020).

Батакова 2017 — Батакова А. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX — начало XXI вв.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата

исторических наук. Москва, 2017. https://mgimo.ru/science/diss/Batakova_diss.pdf (дата обращения 16.08.2020).

Батакова 2015 — Батакова А. Проблема «женщин комфорта» в японо-южнокорейских отношениях. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 10. С. 39–44.

Коммерсант 2005 — Японский премьер не дождался визита китайской дамы. *Коммерсантъ*. 24.05.2005. <https://www.kommersant.ru/doc/580143> (дата обращения 16.08.2020).

Conrad 2003 — Conrad, S. Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001. *Journal of Contemporary History*. 2003. Vol. 38 (1). P. 85–99.

Cunningham 2004 — Cunningham, M. Prisoners of the Japanese and the Politics of Apology: A Battle over History and Memory. *Journal of Contemporary History*. 2004. Vol. 39 (4). Pp. 561–574.

Dian 2017 — Dian, M. *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Oxford: Elsevier, 2017.

Dower 1986 — Dower, J. *War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. New York: Pantheon Books, 1986.

Ducke 2002 — Ducke, I. *Status Power: Japanese Foreign Policy Making toward Korea*. New York and London: Routledge, 2002.

Funabashi 2007 — Funabashi, Y. *The Peninsula Question: A Chronicle of the Second Korean Nuclear Crisis*. Washington: Brookings Institution Press, 2007.

Futamura 2008 — Futamura, M. *War Crimes Tribunals and Transitional Justice: The Tokyo Trial and the Nuremberg Legacy*. *Contemporary Security Studies Series*. London: Routledge, 2008.

Green 2001 — Green, M. *Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power*. New York: Palgrave Macmillan, 2001.

Liu, Atsumi 2008 — Liu, J. H., Atsumi T. *Historical Conflict and Resolution between Japan and China: Developing and Applying a Narrative Theory of History and Identity*. In: Sugiman, T., Gergen, K. J., Wagner, W., Yamada, Y. (eds). *Meaning in Action*. Tokyo: Springer, 2008.

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1993 — Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the Result of the Study on the Issue of “Comfort Women”. August 4, 1993. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1995 — Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama “On the Occasion of the 50th Anniversary of the War’s End”. August 15, 1995. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9508.html> (дата обращения 16.08.2020).

mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998a — Japan-China Joint Declaration On Building a Partnership of Friendship and Cooperation for Peace and Development. November 26, 1998. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/visit98/joint.html> (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 1998b — Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-First Century. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. October 8, 1998. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (дата обращения 16.08.2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan 2002 — Japan-DPRK Pyongyang Declaration. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. September 17, 2002. https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html (дата обращения 16.08.2020).

Ping Bu 2015 — Ping Bu. Dialogues on Historical Issues Concerning East Asia. *Journal of Modern Chinese History*. 2015. Vol. 9 (1). Pp. 117–129.

Piper 2001 — Piper, N. War and Memory: Victim Identity and the Struggle for Compensation in Japan. *War & Society*. 2001. Vol. 19 (1). Pp. 131–148.

Pollmann 2016 — Pollmann, E. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol. 3 (3). Pp. 307–336.

Prime Minister of Japan 2005a — Keynote Speech by Junichiro Koizumi, Prime Minister of Japan on the Occasion of the Asia-Africa Business Summit. *Prime Minister of Japan*. April 22, 2005. https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/04/22keynote_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2005b — Statement by Prime Minister Junichiro Koizumi. *Prime Minister of Japan*. August 15, 2005. https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/08/15danwa_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2006 — Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe Following His Visit to China. *Prime Minister of Japan*. October 8, 2006 https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2006/10/08chinapress_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2010 — Statement by Prime Minister Naoto Kan. *Prime Minister of Japan*. August 10, 2020. https://japan.kantei.go.jp/kan/statement/201008/10danwa_e.html (дата обращения 16.08.2020).

Prime Minister of Japan 2015 — Statement by Prime Minister Shinzo Abe. *Prime Minister of Japan*. August 14, 2015. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (дата обращения 16.08.2020).

Saito 2017 — Saito, H. *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2017.

The Mainichi 2020 — Japan Marks 75th Anniversary of WWII Surrender Amid Pandemic. *The Mainichi*. August 15, 2020. <https://mainichi.jp/english/articles/20200815/p2g/00m/0na/030000c> (дата обращения 16.08.2020).

Togo 2008 — Togo, K. Japan's Historical Memory: Overcoming Polarization towards Synthesis. In: Tsuyoshi Hasegawa, Kazuhiko Togo (Eds). *East Asia's Haunted Present: Historical Memories and the Resurgence of Nationalism*. London: Praeger, 2008.

Wada 2008 — Wada, H. The Comfort Women, the Asian Women's Fund and the Digital Museum. *Japan Focus*. 2008. Vol. 6 (2). <https://apjpf.org/Wada-Haruki/2653/article.html> (дата обращения 16.08.2020).

Yamazaki 2006 — Yamazaki, J. *Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study*. New York and London: Routledge, 2006.

REFERENCES

Abe danwa. Kaigai media. Hageshiku hihan [Abe Statement. Harsh criticism in foreign media] (2015, August 16). *Akahata*. Retrieved August 16, 2020, from https://www.jcp.or.jp/akahata/aik15/2015-08-16/2015081602_04_1.html. (In Japanese).

Batakova, A. (2015). Problema «zhenshchin komforta» v yaponu-yuzhno-koreyskikh otnosheniyakh [The Problem of "Comfort Women" in Japanese-South Korean Relations]. *Aziya i Afrika segodnya*, 10, 39–44. (In Russian).

Batakova, A. (2017). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii s gosudarstvami Vostochnoy Azii (konets XX — nachalo XXI vv.)* [Problems of the Historical Past in Japan's Relations with East Asian States (Late 20th – Early 20st Centuries)]. [PhD. Dissertation, MGIMO University]. https://mgimo.ru/science/diss/Batakova_diss.pdf. (In Russian).

Conrad, S. (2003). Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001. *Journal of Contemporary History*, 38 (1), 85–99.

Cunningham, M. (2004). Prisoners of the Japanese and the Politics of Apology: A Battle over History and Memory. *Journal of Contemporary History*, 39 (4), 561–574.

Dian, M. (2017). *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Elsevier.

Dower, J. (1986). *War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. Pantheon Books.

Ducke, I. (2002). *Status Power: Japanese Foreign Policy Making toward Korea*. Routledge.

Funabashi, Y. (2007). *The Peninsula Question: A Chronicle of the Second Korean Nuclear Crisis*. Brookings Institution Press.

Futamura, M. (2008). *War Crimes Tribunals and Transitional Justice: The Tokyo Trial and the Nuremburg Legacy. Contemporary Security Studies Series*. Routledge.

Green, M. (2001). *Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power*. Palgrave Macmillan.

Japan Marks 75th Anniversary of WWII Surrender Amid Pandemic (2020, August 15). *The Mainichi*. Retrieved August 16, 2020, from <https://mainichi.jp/english/articles/20200815/p2g/00m/0na/030000c>.

Liu, J. H., Atsumi T. (2008). Historical Conflict and Resolution between Japan and China: Developing and Applying a Narrative Theory of History and Identity. In: T.Sugiman, K. J. Gergen, W.Wagner, & Y. Yamada (Eds). *Meaning in Action* (pp.327-344). Springer.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (1993). *Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the Result of the Study on the Issue of "Comfort Women"*. August 4, 1993. <https://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html>.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (1998). *Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-First Century. October 8, 1998*. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html>.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2002). *Japan-DPRK Pyongyang Declaration. September 17, 2002*. Retrieved August 16, 2020, from https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2008). *Japan-China Joint Declaration On Building a Partnership of Friendship and Cooperation for Peace and Development. November 26, 1998*. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/visit98/joint.html>.

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2015). *Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama "On the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End"*. August 15, 1995. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (accessed: August 16, 2020).

Ping Bu (2015). Dialogues on Historical Issues Concerning East Asia. *Journal of Modern Chinese History*, 9 (1), 117–129.

Piper, N. (2001). War and Memory: Victim Identity and the Struggle for Compensation in Japan. *War & Society*, 19 (1), 131–148.

Pollmann, E. (2016). Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 3 (3), 307–336.

Prime Minister of Japan (2005a). *Keynote Speech by Junichiro Koizumi, Prime Minister of Japan on the Occasion of the Asia-Africa Business Summit. April 22, 2005*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/04/22keynote_e.html.

Prime Minister of Japan (2005b). *Statement by Prime Minister Junichiro Koizumi. August 15, 2005*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/08/15danwa_e.html.

Prime Minister of Japan (2006). *Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe Following His Visit to China. October 8, 2006*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2006/10/08chinapress_e.html.

Prime Minister of Japan (2010). *Statement by Prime Minister Naoto Kan. August 10, 2020*. Retrieved August 16, 2020, from https://japan.kantei.go.jp/kan/statement/201008/10danwa_e.html.

Prime Minister of Japan (2015). *Statement by Prime Minister Shinzo Abe. August 14, 2015*. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html.

Saito, H. (2017). *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*. University of Hawaii Press.

Togo, K. (2008). Japan's Historical Memory: Overcoming Polarization towards Synthesis. In: T.Hasegawa & K.Togo (Eds). *East Asia's Haunted Present: Historical Memories and the Resurgence of Nationalism* (pp. 142–162). Praeger.

Wada, H. (2008). The Comfort Women, the Asian Women's Fund and the Digital Museum. *Japan Focus*, 6 (2). Retrieved August 16, 2020, from <https://apjpf.org/-Wada-Haruki/2653/article.html>.

Yamazaki J. (2006) *Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study*. Routledge.

Yaponskiy prem'yer ne dozhdalsya vizita kitayskoy damy [The Japanese Prime Minister Did Not Wait for the Visit of the Chinese Lady] (2005, May 24). *Kommersant*. Retrieved August 16, 2020, from <https://www.kommersant.ru/doc/580143> (In Russian).